Глава IV

Рационалистическая критика христианства и новозаветных книг

Отдельные элементы рационалистической критики христианства содержатся в сочинениях некоторых античных писателей. Так, Лукиан (ок. 125 — ок. 190), выдающийся мыслитель и атеист античного мира, в своих произведениях высмеивал все формы идеологии разлагающегося рабовладельческого общества. Особенно сильным нападкам Лукиан подвергал религиозные суеверия. В форме остроумного сатирического диалога он издевался над богами Олимпа, иронизировал над традиционными верованиями («Разговоры богов», «Прометей» и некоторые другие сочинения). В не менее скептическом тоне Лукиан высмеивал христианство. Спорадические упоминания о христианах встречаются в его памфлете «Александр, или Лжепророк» (25 и 38). Значительно подробнее о них мыслитель говорит в своем сочинении «О смерти Перегрина». Здесь содержится интересный материал для освещения жизни ранних христианских общин.

Лукиан изобразил в карикатурном виде одного из христианских пророков. Речь идет о некоем Перегрине, называвшем себя Протеем. В его лице выступает ловкий авантюрист, шарлатан и уголовный преступник[1]. Перегрин задушил своего отца, которому было уже более шестидесяти лет, был вынужден скрыться и скитаться по разным местам.[2] После ряда приключений Перегрин принял христианство. «И что же вышло? В скором времени он всех их (христиан) обратил в младенцев, сам сделавшись и пророком, и главой общины, и руководителем собраний — словом, один был всем. Что касается книг, то он толковал, объяснял их, а многие и сам сочинил. Христиане почитали его как бога, прибегали к помощи его как законодателя и избрали своим покровителем».[3] По поводу сочинительской деятельности Перегрина Энгельс писал: «...первые христиане отличались беспримерным легковерием по отношению ко всему, что им подходило, так что у нас нет даже уверенности в том, не вкрался ли в наш Новый завет тот или иной отрывок из «большого количества писаний», сочиненных для христиан Перегрином».[4]

При описании некоторых дальнейших приключений Перегрина Лукиан показывает, что в то время христианские общины были хорошо организованы, находились между собой в тесных связях и обладали значительными денежными средствами.[5]

Основоположники марксизма высоко оценивали роль Лукиана в защите свободного разума, в показе нелепости различных религиозных систем. Во введении к своей работе «К критике гегелевской философии права» Маркс писал о нем: «Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в «Беседах» Лукиана».[6] Более подробно о прогрессивном значении античного мыслителя писал Энгельс: «Одним из наших лучших источников о первых христианах является Лукиан из Самосаты, этот Вольтер классической древности, который одинаково скептически относился ко всем видам религиозных суеверий и у которого поэтому не было ни религиозно-языческих, ни политических оснований относиться к христианам иначе, чем к любому религиозному объединению. Напротив, он их всех осыпает насмешками за их суеверие,— почитателей Юпитера не меньше, чем почитателей Христа; с его плоско-рационалистической точки зрения и тот и другой вид суеверий одинаково нелепы».[7]

* *
*

Одним из наиболее древних произведений, направленных против христианства, является «Правдивое слово», принадлежащее Цельсу, греческому философу II в. Это сочинение не дошло до нас, но о его содержании мы имеем представление благодаря Оригену, написавшему апологетический труд «Против Цельса». В своем произведении Ориген пытался опровергнуть возражения Цельса против христианства. С этой целью он привел много цитат из критикуемой им книги и тем самым сохранил для нас большую часть ее текста. «Правдивое слово» было написано, по всей вероятности, на протяжении третьей четверти II в. На основе содержания этой книги видно, что Цельс был хорошо знаком с античной философией и с произведениями иудейских и христианских писателей. Он был последователем взглядов Платона, хотя иной раз и высказывался в духе эпикуреизма.

---

[1] Лукиан. О смерти Перегрина / Избранные атеистические произведения. – М., 1955. – С. 233-247.
[2] Там же, с. 235.
[3] Там же, с. 236.
[4] Энгельс, Ф. К истории первоначального христианства / Сочинения, Т. 22. – С. 472.
[5] Лукиан О смерти Перегрина / Избранные атеистические произведения. – М., 1955. – С. 236-246.
[6] Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / Сочинения, т. 1. - С. 418.
[7] Энгельс, Ф. К истории первоначального христианства / Сочинения, т. 22. – С. 469.

Цельс подверг критике христианство и евангельские рассказы с точки зрения разума и здравого смысла. Он считал, что этими принципами следует руководствоваться при разборе любого учения. По его выражению, «воспринимать какое-нибудь учение (надо) следуя разуму и разумному руководителю; кто примыкает к каким-либо (учителям) не на таких основаниях, тот поддается обману».[8] Мыслитель подчеркивает, что христиане игнорируют веления разума и слепо придерживаются своего учения.[9] Они обычно отделываются такого рода фразами: «не испытывай, а веруй», «вера твоя спасет тебя», «мудрость в мире — зло, а глупость — благо».[10]

В изображении Цельса мать Иисуса жила в иудейской деревне и была нищей пряхой. Она была уличена в прелюбодеянии и отвергнута своим мужем, плотником по ремеслу. Позорно скитаясь, она родила втайне Иисуса. В Ветхом завете содержатся пророчества о том, что придет сын божий, который вознаградит праведных и будет карать нечестивых. Эти пророчества не имеют никакого отношения к Иисусу. Он не является мессией и не сделал ничего божественного. Все повествования о его жизни и деятельности являются вымышленными баснями.[11] Сказания о девственном рождении Иисуса напоминают греческие мифы о Данае, Меланиппе, Ауге и Антиопе.[12] Легенды о его смерти и воскресении также имеют параллели в мифологии других народов. «Ведь то же самое говорят у скифов о Замолксисе, рабе Пифагора, в Италии — о самом Пифагоре, в Египте — о Рампсините; этот даже играл якобы в аду в кости с Деметрой и вернулся оттуда с подарками от нее — золототканым полотенцем. Такое же рассказывают об Орфее у одризов, о Протесилае в Фессалии, о Геракле в Тенаре и о Тезее».[13]

По данным Цельса, христиане объединяются в тайные союзы, действующие вне закона.[14] Они включают в свой состав преимущественно рабов, женщин, простолюдинов и «самых грубых мужланов».[15] Христиане распадаются на ряд сект, которые во многом расходятся между собой.[16] Каждая из этих сект почитает «другого учителя и демона, жестоко обманываясь и блуждая в глубокой тьме более беззаконно и гнусно, чем последователи культа Антиноя в Египте. Они злословят друг против друга ужаснейшим образом, (изрыгая) явные и тайные (проклятия), они ни по одному пункту не могут прийти к соглашению, они во всем гнушаются друг друга».[17] Христиане занимаются подделкой текстов «священных книг». Они «трижды, четырежды и многократно переделывают и перерабатывают первую запись евангелия, чтоб иметь возможность отвергнуть изобличения».[18] Приверженцы христианства не признают официальный культ и отказываются от участия в общественно-политической жизни.[19] Их учение заимствовано у многих народов и не включает в себя никаких новых, неизвестных ранее идей.[20] Восприняв от других древние сказания, христиане извращают их в результате своего невежества.[21] Особенно грубо и неумело они искажают учение Платона.[22] Христиане верят в осуществление предсказаний и пророчеств. Этим пользуются всякого рода шарлатаны, которые выдают себя за пророков.[23] Последователи христианства придают большое значение магическим заклинаниям, очистительным обрядам и различным амулетам.[24] Христиане «толкуют про какие-то надписи между небесными верхними кругами... Они обещают какое-то магическое волшебство, и это для них верх мудрости. Они пользуются магией и волшебством, называя какие-то варварские имена демонов... (они) заповедали очистительные обряды, гимны, искупления, заговоры, биение себя в грудь, ряжение в демонов, разнообразные амулеты в виде одеяний, чисел, камней, растений, корней и вообще самых разнообразных предметов».[25] Несостоятельными являются утверждения христиан о том, что человек является центром Вселенной.[26] В действительности «все создано ради людей не в большей степени, чем для неразумных тварей».[27]

Таким образом, Цельс не ограничивается высмеиванием христианства, а старается доказать его несостоятельность. Он оспаривает достоверность евангельских рассказов, отвергает христианскую ми-

---

[8] Цельс. Правдивое слово / В кн. А. Б. Рановича «Античные критики христианства». – М., 1935. - С. 35.
[9] Там же, с. 34-35, 96.
[10] Там же, с. 35.
[11] Там же, с. 33-93.
[12] Там же, с. 38.
[13] Там же, с. 45.
[14] Там же, с. 33.
[15] Там же, с. 37; 39; 52.
[16] Там же, с. 49; 68-70.
[17] Там же, с. 69-70.
[18] Там же, с. 42-43.
[19] Там же, с. 91-100.
[20] Там же, 33-36; 49; 70.
[21] Там же, с. 49 ; 70; 91.
[22] Там же, с. 70-91.
[23] Там же, с. 85-86.
[24] Там же, с. 34; 76.
[25] Там же, с. 76.
[26] Там же, с. 57; 60; 63.
[27] Там же, с. 60.

фологию, подвергает критике библейскую космогонию, отрицает догмат воскресения во плоти. Аргументация Цельса была в значительной мере использована представителями библейской критики более позднего времени. Следует, однако, иметь в виду, что Цельс критиковал христианство не с атеистических позиций, а с точки зрения человека, принадлежащего к иной вере. Он не смог преодолеть многие предрассудки современной ему эпохи. Цельс часто допускает некритическое отношение к христианским мифам, легендам и верованиям. Он не подвергает сомнению утверждения христиан о том, что евангельский Христос был исторической личностью. Философ старается лишь доказать, что Иисус не был богом.

* *
*

Критические замечания по адресу христианства и новозаветных книг были сделаны известным философом Порфирием. Он родился в 232 г. в городе Тире и умер около 304 г. в Риме. Порфирий был идеалистом, последователем неоплатоника Плотина. Он был автором 77 произведений, но из них до нас дошло только девять. Это объясняется тем, что в 448 г. императоры Валентиниан III и Феодосий II издали эдикт, по которому требовалось уничтожение книг Порфирия. Опубликование этого эдикта было вызвано недовольством императорской власти нападками философа на христиан. По теме нашей работы особенный интерес представляет сочинение Порфирия «Против христиан». Оно не сохранилось, но о его содержании мы имеем представление благодаря сочинениям некоторых церковных писателей. Последние, полемизируя с Порфирием, неоднократно ссылаются на его высказывания, а Евсевий приводит даже отдельные цитаты из его сочинения. Эти высказывания позволяют выяснить характерные черты той критики, которую Порфирий направил против христианства.

Анализ новозаветных книг приводит философа к заключению, что в них имеется большое количество противоречий. Он утверждает, что «евангелисты — выдумщики, а не историки деяний Иисуса».[28] Их сообщения о его жизни и деятельности совершенно не согласуются между собой. Так, существует разноголосица в их описаниях страстей Иисуса. Марк говорит, что распятому поднесли губку, напитанную уксусом. Согласно евангелию Матфея, Иисусу дали пить вино, смешанное с желчью. Отведав напиток, он отказался пить, а вслед затем обратился к богу со словами: «Для чего ты меня оставил?» Иоанн рассказывает, что Иисус вкусил уксуса и произнес слово «свершилось», после чего испустил дух. По данным евангелия Луки, Иисус сказал богу, что предает ему свой дух.[29] Из этих путаных и неясных сообщений Порфирий делает следующий вывод: «Очевидно, что это противоречивое повествование относится к нескольким распятым либо к одному, но столь тяжко боровшемуся со смертью, что не мог дать присутствующим ясного представления о своем страдании. Если же евангелисты, не будучи в состоянии рассказать правду о способе его смерти, сочинили поэму об этом, то и обо всем остальном они не могли сообщить ничего достоверного».[30]

Порфирий считает болтовней евангельский рассказ о воскресении Иисуса.[31] Вздорными и нелепыми представляются ему и многие приписываемые Иисусу высказывания. Так, например, в евангелии ему вкладываются в уста следующие слова: «Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон». Порфирий недоумевает, о каком суде и каком князе здесь идет речь. Если имеется в виду римский император, то он ведь не является единым владыкой, в мире много властителей,— да его никуда и не изгоняли. Если речь идет о некоем бестелесном существе, то такое вообще нельзя изгнать вон. Кроме того, остается неизвестной причина изгнания князя и не ясно, как его изгоняют.[32] Порфирий подвергает критическому разбору те слова Иисуса, с которыми он обратился к иудеям во время праздника кущей: «Ваш отец дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего». Философ находит противоречие между утверждением Иисуса о том, что иудеи происходят от дьявола, и проникающей весь Ветхий завет идеей о том, что их единственным отцом является бог. Далее, говорит Порфирий, порядочно поступают те люди, которые исполняют «похоти» отца, подчиняются его мнению и высказывают ему почтение. Если же отец дурной, то не следует винить детей в неисполнении его воли.[33]

Несуразными и внутренне противоречивыми представляются Порфирию и другие проповеди и действия Иисуса Христа. Так, Иисус говорил своим ученикам: «Не бойтесь убивающих тело». Он же сам перед смертью не спал, находился в состоянии тревоги, молился, чтобы миновало его страдание. Философ считает, что такое поведение не к лицу сыну божиему и даже просто мудрому человеку, относившемуся с презрением к смерти.[34] «Верхом неясности» кажется Порфирию и такое выражение Иисуса: «Если бы верили Моисею, то поверили бы и мне, потому что он писал обо мне». Он считает, что от Моисея ничего не

---

[28] Порфирий. Против христиан / В кн. А. Б. Рановича «Античные критики христианства», с. 142.
[29] Там же, с. 142-143.
[30] Там же, с. 143.
[31] Там же, с. 143-144.
[32] Там же, с. 144-145.
[33] Там же, с. 145-146.
[34] Там же, с. 146-147.

сохранилось, так как все его сочинения сгорели вместе с храмом. Но если даже допустить, что произведения Моисея дошли до его потомков в их подлинном виде, то и в этом случае «нельзя доказать, что где-нибудь Христос назван богом, или богом-словом, или демиургом. Вообще, кто говорил о распятии Христа?»[35]

Порфирий высмеивает евангельский рассказ о деяниях Иисуса во время его встречи с легионом бесов и двумя тысячами свиней. По поводу этого рассказа философ восклицает: «Какая сказка, какой вздор, какая воистину чрезмерно смехотворная выдумка! Двухтысячное стадо свиней побежало в море и погибло, утонув! Как можно, слушая, как бесы просят, чтоб их не отправили в бездну, а Христос затем по их просьбе не отправил их, а наслал их на свиней,— как можно не воскликнуть: фу, какое невежество! фу, какое комическое заблуждение — внять просьбе духов-убийц, причиняющих большой вред миру, и позволить им то, чего они хотели!»[36] Порфирий отмечает, что такое множество свиней не могло тогда пастись в Палестине, так как религиозный закон запрещал иудеям употребление их мяса в пищу. Он выражает сомнение и в том, что все эти свиньи могли утонуть при наличии озера, а не глубокого моря.[37] Философ подчеркивает бессмысленность поведения Иисуса в упомянутом эпизоде. Удовлетворив просьбу бесов о предоставлении им пристанища, Христос тем самым дал им возможность принести большой вред людям.[38] Иисусу же следовало бросить бесов, «этих архизлодеев... в ту самую пропасть, которой они страшились, а не, разжалобившись их мольбами, позволить им натворить другую беду. Ибо, если это действительно правда, а не как мы доказываем, выдумка, то рассказ этот уличает Христа в большом грехе».[39]

Нелепым представляется Порфирию следующее евангельское речение: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в царство божие». Как утверждает философ, из этого речения вытекает, что не добродетель открывает человеку путь в царство небесное, а бедность и материальная нужда. Вполне естественно, что человек, воспринявший это учение, будет полностью игнорировать добродетель и стремиться только к бедности.[40] Поэтому надо полагать, говорит Порфирий, что вышеприведенное речение исходит «не от Христа, если он вообще преподал образец истины, а от наших бедняков, желавших путем такой болтовни отнять имущество богатых».[41] Возмущение Порфирия вызывает и другое речение Христа: «Если не будете есть плоти моей и пить крови моей, то не будете иметь жизни в себе».[42] Об этом речении философ заявляет: «Это уже действительно не зверство и не нелепость, но нелепее всякой нелепости и более дико, чем любое зверство,— вкушать человеческое мясо, пить кровь единоплеменника и единокровного и, поступая так, иметь жизнь вечную!»[43] Порфирий подчеркивает, что никто из известных ему историков и философов, ни из варваров, ни из древних эллинов, не произнес подобную трагическую фразу. По его мнению, даже если трактовать эту фразу в аллегорическом смысле, то она «оскверняет самую душу, возмущая ее чувством отвращения».[44]

Порфирий обращает внимание на двойственное отношение Иисуса Христа к апостолу Петру. В одном случае Иисус говорит ему: «Отойди от меня, сатана, ты мне соблазн; потому что думаешь не о том, что божие, а о том, что человеческое». В другом же случае Иисус говорит: «Ты — Петр, и на сем камне я создам церковь мою... и дам тебе ключи царства небесного»[45] Философ считает, что если кто-нибудь хорошенько разберется в противоречивости суждений Иисуса, то он безусловно будет «смеяться до колик» и «хохотать, как в театре». Порфирий высказывает предположение, что либо Иисус, «называя Петра сатаной, был пьян и одурманен вином и болтал вздор, либо, назначая его ключарем царства небесного, он живописал сновидения в сонной фантазии».[46]

Философ не проходит мимо того факта, что в Новом завете образ Петра наделен рядом отрицательных черт. Апостол нигде не проявляет твердости убеждений, он по легкомыслию много раз колеблется в своем мнении. Петр трижды нарушает клятву, хотя в этом нет серьезной необходимости. Он издевается над рабом первосвященника, хотя тот ни в чем не повинен. Петр умертвил некоего Анания и его жену Сапфиру только за то, что они не сдали апостолам всей выручки за проданный участок, а оставили себе кой-что на неотложные нужды. Апостол поступает несправедливо и в других случаях.[47] Такие его поступки побуждают Порфирия заявить следующее: «Воистину удивительно, как это Иисус такому человеку, как Петр, отдал ключи неба, как это он человеку, потерявшему голову от тревоги и при стольких обстоятельствах

---

[35] Там же, с. 147.
[36] Там же, с. 147.
[37] Там же, с. 148-149.
[38] Там же, с. 147-148.
[39] Там же, с. 148.
[40] Там же, с. 149.
[41] Там же.
[42] Там же, с. 151.

В каноническом тексте евангелия Иоанна (6,53) вместо «плоти моей» написано «плоти сына человеческого».

[43] Порфирий. Против христиан / В кн. А. Б. Рановича «Античные критики христианства», с. 151.
[44] Там же, с. 152.
[45] Там же, с. 153.
[46] Там же, с. 154.
[47] Там же, с. 154-156.

оказавшемуся ничтожеством, сказал: «паси агнцев моих».[48] В непривлекательном свете представляется Порфирию и апостол Павел. Последний лицемерит, искажает правду, говорит то, чего нет. Он объявляет себя то иудеем, то римлянином. Соответственно этому апостол в одних случаях требует следовать велениям ветхозаветных законов, а в других — призывает отказаться от их исполнения.[49] Таким поведением, утверждает Порфирий, Павел «смешивает в одну кашу и опутывает это мраком, так что у слушателя почти в глазах темнеет и, как во тьме ночной, он спотыкается об то и другое: и против закона грешит, и евангелие нарушает в этой путанице из-за неразумия руководителя».[50]

От внимания Порфирия не ускользнул и тот факт, что человеческое общество существовало в течение многих тысячелетий до того времени, к которому новозаветные авторы относят жизнь Иисуса Христа. Философ спрашивает у христиан, почему людям пришлось так долго ждать, прежде чем бог послал на землю своего сына для их спасения. По его словам, «если Христос называет себя путем ко спасению, благодатью и истиной, если только в себе одном полагает возможность возврата для душ, в него верующих,— то что же делали люди столько веков до Христа?.. Ведь тот, в кого можно было уверовать, не удостоил еще людей своим пришествием?[51]

Идейная борьба Порфирия против христианства отражала интересы тех социальных группировок, которые стремились сохранить старую римскую религию. Критика библейских книг и христианских догматов со стороны философа отличалась последовательностью и силой убеждения. Адольф Гарнак, виднейший протестантский богослов, касаясь той критики, которой Порфирий подверг «священное писание», заявил: «Еще и теперь Порфирий не опровергнут».[52]

Приводимые философом аргументы были впоследствии использованы буржуазными библеистами.

* *
*

Христианское учение и новозаветные книги подверглись острой критике со стороны римского императора Юлиана (361—363). Он был широко образованным человеком, одним из крупных писателей своего времени. Большой известностью пользовался его труд «Против христиан». Это произведение до нас не дошло, но многочисленные цитаты из него содержатся в книге, принадлежащей церковному деятелю Кириллу Александрийскому, написанной между 429 и 444 гг.

Юлиан критикует христианские догмы, обнаруживает наличие противоречий в «священном писании», показывает нелепость библейских мифов. Он упрекает христиан в том, что они придали «чудесным выдумкам видимость истины».[53] Император считает, что учение христиан не заключает в себе ничего божественного.[54] Он высказывает сомнение в нравственной ценности библейских произведений. Обращаясь к христианам, Юлиан пишет: «Вы и сами, как мне кажется, знаете, что разница между вашими писаниями и нашими в смысле знания не в вашу пользу, что от ваших писаний никто не может стать порядочным человеком, а от наших — человек делается лучше самого себя».[55] Мыслитель обращает внимание на то, что Павел в зависимости от обстоятельств меняет свое учение о боге: то он утверждает, что только иудеи являются избранниками бога, то он признает, что бог оказывает покровительство и язычникам. Но если «бог есть не только бог иудеев, но и язычников», то уместно спросить Павла, «чего ради он послал евреям обильную пророческую благодать, и Моисея, и помазание, и пророков, и закон, и чудеса, и чудесные мифы?.. Под конец он и Иисуса к ним послал, а к нам — ни пророка, ни помазания, ни учителя, ни вестника предстоящей попозже и нам некогда милости от него».[56] Развивая эту мысль, Юлиан спрашивает, почему бог, если он творец Вселенной, в течение десятков тысяч лет не обращал внимания на все человечество, а интересовался лишь судьбой небольшого племени, живущего в уголке Палестины на протяжении неполных 2000 лет.[57]

Император показывает необоснованность попыток христианских богословов обнаружить в ветхозаветных книгах пророчества о рождении и жизни Иисуса Христа. Опровергая утверждения этих богословов о том, что Моисей предсказал будущее рождение Иисуса, Юлиан пишет: «Но Моисей не раз, не два, не три, а много раз предписывает почитать одного только бога, которого он и называет всюду, а другого бога — нигде. Он называет ангелов, владык и конечно много богов, но исключительным он считает первого и не

---

[48] Там же, с. 155.
[49] Там же, с. 156-162.
[50] Там же, с. 158.
[51] Там же, с. 139.
[52] Harnack, A. Die Mission und Ausbreitung des Christentums. - B. I. Leipzig, 1924, S. 521.
[53] Юлиан. Против христиан. В кн. А. Б. Рановича «Античные критики христианства». - С. 185.
[54] Там же.
[55] Там же, с. 205-206.
[56] Там же, с. 192.
[57] Там же.

допускает ни подобного, ни неподобного ему, как это вы придумали».[58] Юлиан подчеркивает, что ни одно высказывание Моисея не может быть приведено на этот счет. Что касается слов «господь-бог ваш воздвигнет вам пророка из братьев ваших, как меня; слушайтесь его», то здесь ничего не говорится о человеке, рожденном Марией. Что касается слов «не отойдет скипетр от Иуды и наставник от бедер его», то здесь имеется в виду не Иисус, а царство Давида.[59] Обращаясь к приверженцам христианства, император говорит: «Что все это не имеет отношения к Иисусу, ясно; ведь он не из племени Иуды; ведь он родился по-вашему не от Иосифа, а от духа святого. Но вы, составляя генеалогию Иосифа, выводите его от Иуды, да и то не сумели это придумать умело: Матфей и Лука изобличают друг друга, расходясь между собой в его генеалогии».[60]

В книге Юлиана показывается двойственное и непоследовательное отношение христиан к содержанию Ветхого завета. С одной стороны, они считают Новый завет продолжением Ветхого, а во многих случаях механически связывают тексты обеих частей Библии с целью доказать божественность Иисуса с помощью ветхозаветных пророчеств. С другой стороны, приверженцы христианства отменяют предписания Ветхого завета и произвольно изменяют его текст.[61] Император обращается к христианам со следующими словами: «А вы не только сочли пустяком убавлять или прибавлять к написанному в законе, но признали проявлением особой смелости и величия души вовсе переступить закон, имея в виду не истину, а легкую возможность всех привлечь к себе».[62] Юлиан показывает, что евангелисты во многом противоречат друг другу. Так, например, Матфей утверждает, что Иосиф сын Иакова, а Лука называет его сыном Илии.[63] «Согласно Матфею Мария Магдалина и другая Мария пришли ко гробу по прошествии субботы на рассвете первого дня недели, а согласно Марку — после того, как рассвело и взошло солнце. У Матфея они увидели ангела, у Марка — юношу. У Матфея они вышли и возвестили ученикам о воскресении Христа, а у Марка они промолчали и никому ничего не сказали».[64] Юлиан высмеивает догмат о воскресении мертвых во Христе. Он утверждает, что бог «не в состоянии явить то, что по своей природе подвержено закону гибели».[65] Император отвергает христианскую проповедь «продайте имения ваши и давайте милостыню». Он считает ее бессмысленной и совершенно неосуществимой. Юлиан высказывает по этому вопросу следующее соображение: если все примут христианство и начнут продавать свое имущество, то где они найдут покупателей?[66]

Юлиан был горячим приверженцем учения неоплатонизма. Он критиковал христианские догматы с точки зрения этой философской системы. В своей аргументации император во многом повторял те мысли, которые до него были высказаны Цельсом и Порфирием. Однако по ряду вопросов его доводы и соображения носят вполне самостоятельный характер.

* *
*

В эпоху средневековья не было благоприятных условий для научного исследования Нового завета. Памятники раннехристианской литературы изучались почти исключительно теологами, признававшими историчность Иисуса Христа и не сомневавшимися в достоверности новозаветных рассказов. С распространением в европейских странах гуманистических и реформационных идей были предприняты попытки подойти к текстам Нового завета с рационалистической точки зрения.

Одним из крупнейших гуманистов эпохи Возрождения был Эразм Роттердамский (1466—1536). Он является автором ряда произведений, из которых особенно большой известностью пользуется его «Похвальное слово Глупости». Сам Эразм считал главным трудом своей жизни издание по старинным рукописям греческого текста Нового завета (с латинским переводом и комментариями). Являясь прекрасным знатоком латинского, греческого и древнееврейского языков, он применял приемы классической филологии к изучению текста «священного писания». Эразм установил в нем немало противоречий, ошибок и искажений, вкравшихся на протяжении столетий. Он считал необходимым восстановить первоначальный текст христианских первоисточников, очистить их от позднейших схоластических наслоений. Оставаясь в основном на почве церковно-феодального мировоззрения, Эразм не сделал радикальных выводов из своей критической работы над библейскими текстами. Однако этой работой он подрывал авторитет так называемой «Вульгаты», т. е. принятого церковью латинского текста Библии.

---

[58] Там же, с. 208.
[59] Там же, с. 208-209.
[60] Там же, с. 209.
[61] Там же, с. 208-219.
[62] Там же, с. 214.
[63] Там же, с. 219.
[64] Там же, с. 220.
[65] Там же, с. 222.
[66] Там же, с. 221.

Тем самым ученый подготавливал почву для рационалистической критики «священного писания».

* *
*

Христианская церковь в первые столетия своего существования рекомендовала чтение Библии не только духовным лицам, но и мирянам, относилась благожелательно к появлению библейских переводов, надеясь таким путем способствовать распространению новой религии. Так продолжалось до установления господства католической церкви во всех сферах духовной жизни стран Западной Европы. Уже в эпоху раннего средневековья верующие стали убеждаться в том, что священнослужители в своей практической деятельности далеко не всегда руководствуются проповедями и поучениями, содержащимися в Библии. Опасаясь подрыва авторитета церкви, папы стали запрещать мирянам читать Библию и, признав латинский язык языком церковным, не допускали употребления народных языков как при богослужении, так и при чтении «священного писания». Стремление католической церкви сделать Библию недоступной мирянам усиливалось по мере того как в христианстве возникали новые течения, отступающие от догм католицизма и находившие в самих библейских книгах подтверждение своим взглядам. Поэтому папы стали включать в индексы запрещенных книг переводы Библии на народные языки.

Распространение реформационных идей в странах Западной Европы способствовало появлению переводов Библии на народные языки. Это делало библейские книги доступными для широких масс верующих и давало реформаторам сильное оружие для борьбы против католической церкви. К XIV в. относится английский перевод Виклефа, к XV в.— чешский перевод Гуса, а к XVI в.— немецкий перевод Лютера. Весьма благоприятным фактором для переводов Библии на современные европейские языки явилось также развитие книгопечатания.

В западной Руси первым переводчиком Библии на народный язык был белорусский первопечатник Франциск (Георгий) Скорина (родился около 1490 г. в городе Полоцке). Он предпринял ряд изданий Ветхого завета под заглавием «Библия Руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного города Полоцка...» Им были переведены и изданы 23 книги Ветхого завета. Они печатались в Праге в 1517—1519 гг. Надо полагать, что Скорина пользовался при своем переводе чешской Библией.

Общественные взгляды Скорины формировались под влиянием борьбы трудящихся масс Белоруссии против феодального и национального гнета. Своим переводом и изданием Библии на народном языке он отражал развитие национального самосознания белорусского народа. Скорина рассматривал перевод Библии на живой разговорный язык как средство распространения письменности среди народных масс, пробуждения у них любви к родному языку. Он не придерживается слепо библейского текста, служившего ему основой для перевода, подчас опускает целые разделы и, наоборот, делает прибавления к переводному тексту. Библейские книги расположены у него не в таком порядке, как в православной и католической Библии. В предисловиях Скорины к библейским книгам, в комментариях к ним ярко проявились его гуманистические, прогрессивные идеи. Он делает много отступлений от традиционной, официально церковной трактовки содержания Библии.

Скорина не признает «боговдохновенного» характера ряда библейских книг, а полагает, что они были написаны философами и летописцами. Он часто ссылается на античных мыслителей, отмечает их заслуги в умственном развитии человечества. Примечательно также, что десять библейских заповедей, переданных якобы богом Моисею на горе Синай, изложены Скориной в стихах, причем в светском духе. Скорина полагал, что широкие массы могут почерпнуть в Библии определенные знания о природе и обществе. Исходя из этого, он стремился в той или иной мере использовать Библию для распространения положительных знаний, привлечь внимание читателей библейских книг не к небесному миру, а к земному, материальному. Такая постановка вопроса была для своего времени новой и прогрессивной. Она шла вразрез со стремлением духовенства различных вероисповеданий использовать Библию для закрепления среди верующих религиозных предрассудков и суеверий.

* *
*

Одним из первых ученых, трактовавших библейские тексты в духе рационализма, был Симон Будный (1530—1593). Он принадлежит к числу виднейших идеологов гуманизма и реформации в Белоруссии и Литве во второй половине XVI в. На первых порах Будный примыкал к кальвинистам, но в начале 60-х годов порвал с ними и стал одним из крупнейших деятелей антитринитарнзма, наиболее радикального течения в реформационном движении. В сочинениях Будного получили дальнейшее развитие гуманистические идеи Скорины. Однако в отличие от последнего Будный подвергал острой критике духовенство, отрицал основные догматы и обряды христианской церкви. Особенно большое внимание он

уделял опровержению догмы о троичности божества. Деятельность Будного объективно способствовала освобождению мысли от церковных оков.

Многие замечания и высказывания мыслителя касаются вопросов библейской критики. В своем предисловии к переводу Нового завета Будный высмеивает теологов, полностью доверявших всему тому, что написано в Библии. Он подчеркивает наличие в Новом завете не только многих ошибок и извращений, но и явной лжи. По его мнению, об искажении библейских книг свидетельствует тот факт, что они не согласуются между собой. Иногда в одних и тех же местах различных экземпляров содержится на два-три слова и даже на целый стих больше, чем в других. В некоторых местах одни варианты по смыслу противоречат другим. Такое несоответствие существует не только между греческими и латинскими книгами. Не согласуются между собой и латинские книги, но несравненно большее расхождение наблюдается между греческими. Это можно показать не одним, не десятью, а бесчисленными примерами. Не следует думать, что упомянутые ошибки и извращения возникли в новое время. Уже при жизни христианского писателя Иринея имело место искажение книг Нового завета.[67]

Будный стремится выяснить причины проникновения ошибок и искажений в Новый завет. По его мнению, во внимание должны быть приняты три важнейшие причины (третья не относится к греческим книгам). Первая из них заключается в «глупости» переписчиков. До изобретения книгопечатания книги обычно переписывались монахами, которые заботились лишь о том, чтобы красиво написать. Иногда они сами не знали, о чем пишут, а это приводило к искажению содержания книг. Вторую причину следует искать в «хитрости» еретиков. Стремясь доказать правоту своих суждений, они в одних местах многое прибавили к «священному писанию», а в других — выбросили и изменили. Еретики не ограничивались прибавлением к Новому завету отдельных слов или стихов. Они распространяли среди христиан целые книги от имени апостолов. Такими являются, например, евангелия Иакова, Фомы, Варфоломея, Никодима. Еще при жизни апостолов находились в обращении послания, которые прикрывались их именами. Третья причина ошибок в Новом завете заключается в невнимательности переводчиков. Делая перевод с греческого на латинский или другие языки, они иногда совершали ошибки и делали погрешности, как это свойственно людям.[68]

Интерес представляют приписки Симона Будного к переводу некоторых мест Нового завета. В этих приписках он критически разбирает те сообщения, которые, по его мнению, подверглись искажению. Так, его внимание привлек 23-й стих третьей главы евангелия Луки: «Иисус, начиная свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сыном Иосифа». Из этого стиха Симон Будный выбросил два слова «как думали». Как утверждает белорусский гуманист, эти слова были прибавлены Маркионом, который больше всех извращал новозаветные сочинения. Маркион отбросил три евангелия и оставил только евангелие Луки, в которое внес большие изменения. Многие места он выбросил, а многие прибавил. Точно так же поступил еретик и с Посланиями Павла. Упомянутые два слова были включены Маркионом в текст евангелия с целью убедить христиан в том, что Иисус Христос был не настоящим, а мнимым человеком.[69]

* *
*

Рационалистические идеи Будного оказали большое влияние на дальнейшее развитие прогрессивной мысли белорусского народа. Младшим современником и единомышленником Будного был В. Н. Тяпинский-Омельянович (родился в конце 30-х — начале 40-х годов XVI в., а умер не позже 1604 г.). Он, подобно Скорине, Будному и иным белорусским прогрессивным мыслителям, стремился распространить просвещение среди населения Белоруссии. Василий Тяпинский организовал на собственные деньги типографию с целью печатать книги на белорусском языке. Около 1580 г. он издал «Евангелие» (от Матфея, от Марка и частично от Луки) на белорусском и церковнославянском языках. Ему пришлось преодолеть для этого большие трудности. К этому «Евангелию» Тяпинский присовокупил свое предисловие, в котором подверг критике духовенство и выступил против окатоличивания белорусского народа.[70]

Во второй половине XVI в. в Белоруссии получили распространение материалистические и атеистические идеи. Одним из видных атеистов этого времени был Стефан Лован. Он признавал материальность мира и отрицал его сотворение богом. Мыслитель не видел принципиального различия между человеком и

---

[67] Будный, С. Предисловие к переводу Нового завета / Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, [под общ. ред.В. А. Сербента, В. М. Пузикова, П. Д. Пузикова]. – Минск, 1962. – С. 54-56.

[68] Там же, с. 56-58.

См. также: Предисловие к переводу Нового завета / Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, [под общ. ред.В. А. Сербента, В. М. Пузикова, П. Д. Пузикова]. – Минск, 1962. – С. 59-60.

[69] Предисловие к переводу Нового завета / Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, под общ. ред.В. А. Сербента, В. М. Пузикова, П. Д. Пузикова. – Минск, 1962. – С. 59-62.

[70] Тяпинский, В. Предисловие к евангелию / Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, [под общ. ред.В. А. Сербента, В. М. Пузикова, П. Д. Пузикова]. – Минск, 1962. – С. 87-91.

животным и считал невозможным существование отдельной от тела души. Он отрицал воскресение мертвых и утверждал, что нет ни рая, ни ада. В 1592 г. Лован был вызван на королевский суд за пропаганду атеистических взглядов. К сожалению, в дошедших до нас источниках отсутствуют данные обо всех обстоятельствах и последствиях вызова Лована на суд.[71]

* *
*

На развитие общественной мысли белорусского народа определенное влияние оказал русский вольнодумец Феодосий Косой. Данные о его жизни весьма скудны и носят отрывочный характер. Известно, что он был холопом одного из слуг Ивана IV. Не желая примириться с тяжелым гнетом, Косой в конце 40-х годов XVI в. бежал в монастырь на Белоозеро. Здесь он сблизился со старцем Артемием, идеологом «левого» нестяжательства, и с другими лицами, находившимися в оппозиции к официальной церкви. За распространение крайних еретических воззрений Феодосий Косой был арестован и помещен под стражу в один из московских монастырей. Около 1555 г. он бежал из монастырского заключения а укрылся в Литве, где стал проповедовать свои общественные и религиозные взгляды. Собственные произведения Косого до нас не дошли. Однако учение его изложено, правда в тенденциозном духе, в сочинениях монаха Зиновия Отенского. Из них видно, что учение Косого отражало позицию и стремления социальных низов, выступавших против церкви, как одного из важнейших оплотов феодального строя. Прогрессивные идеи русского вольнодумца способствовали укреплению радикального крыла реформационного движения в Литве и Белоруссии.[72]

Феодосий Косой отвергал деление общества на эксплуататоров и эксплуатируемых, защищал принцип равенства всех людей перед богом. Он отрицал догмы и обряды господствующей церкви, высмеивал поклонение кресту и иконам. Вольнодумец не признавал божественной природы богородицы и Христа. Он считал Марию обыкновенной женщиной, а Христа — простым пророком, основателем христианства. Косой говорил о примате Ветхого завета над Новым заветом, а книги Пятикнижия называл «столповыми». Отдавая предпочтение ветхозаветным книгам, Косой искал в них доводы для отрицания основных догм православной церкви.[73]

* *
*

В XVII в. крупнейшим материалистом и атеистом в Белоруссии и Литве был Казимир Лыщинский (1634—1689). Его материалистические взгляды явились дальнейшим развитием прогрессивной философской мысли народов этих стран. Им написан трактат «О несуществовании бога», от которого до нас дошли лишь небольшие фрагменты. Лыщинский отрицал существование бога, считал его творением человеческой фантазии. В представлении мыслителя мир материален и все в нем происходит на основе присущих ему внутренних законов. Вера в бога несовместима с разумом, который является высшим критерием истины. Лыщинский отрицал бессмертие души, не верил в воскресение мертвых, не признавал существования ангелов, рая и ада.[74] Он отвергал божественное происхождение библейских книг, «считал Новый и Ветхий заветы баснями и выдумкой Христа и Моисея».[75] Осенью 1687 г. некий Ян Бржозка в доносе на имя виленского епископа обвинил Лыщинского в атеизме. В результате философ был заключен в тюрьму. В декабре 1688 г. его перевезли из Вильны в Варшаву, и дело обвиняемого было передано суду общегосударственного сейма. 11 февраля 1689 г. начался процесс Лыщинского. 28 марта председатель сейма огласил Лыщинскому смертный приговор. Через два дня на площади Старого рынка в присутствии большой толпы Лыщинскому отсекли голову. Вслед затем тело казненного вывезли за город и сожгли дотла.[76]

---

[71] См. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, [под общ. ред. В. А. Сербента, В. М. Пузикова, П. Д. Пузикова]. – Минск, 1962. – С. 92-99.
[72] См. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, [под общ. ред. В. А. Сербента, В. М. Пузикова, П. Д. Пузикова]. – Минск, 1962. – С. 104-125. ; Клибанов, А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. – М., 1960. – С. 266-274.
[73] См. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии, [под общ. ред.В. А. Сербента, В. М. Пузикова, П. Д. Пузикова]. – Минск, 1962. – С. 110-125 ; Клибанов, А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. – М., 1960. – С. 266-302.
[74] Там же, с. 270-304.
[75] Там же, с. 299.
[76] Там же, 286-304
Более подробно о жизненном пути и мировоззрении Лыщинского см.: Рамм, Б. Я. Казимир Лыщинский –

* *
*

В XVII—XVIII вв. рационалистическая критика новозаветных произведений была тесно связана с деизмом, религиозно-философским учением, сложившимся в XVII в. в Англии и проникшим оттуда в другие страны Западной Европы. Приверженцы деизма отрицали представления о боге как о персонифицированном существе, полагая, что он существует как безличное разумное начало. Согласно учению деистов, бог создал мир, установил его законы, но после этого прекратил свое вмешательство в жизнь природы и общества.

Деизм был идеологией поднимающейся буржуазии, выступающей против феодализма и его опор, из которых одной из важнейших была католическая церковь. В условиях господства феодально-церковного мировоззрения деизм представлял собой «удобный и легкий способ отделаться от религии».[77] Сторонники деизма боролись за веротерпимость, обличали невежество, обскурантизм и жадность духовенства. Они отвергали откровение и чудеса, противопоставляли доводы разума авторитету церкви, требовали изучения природы и ее закономерностей.

Однако в условиях борьбы поднимающейся буржуазии против феодального мировоззрения деизм не был идейным знаменем массового движения. Деисты провозглашали свободомыслие лишь для образованных людей, а не для широких трудящихся масс. Они считали, что религию следует сохранить как средство удержания народа в повиновении государственной власти. Не решаясь целиком отвергнуть религию, деисты пытались примирить ее с разумом и наукой. По их мнению, все существующие религии — христианство, иудаизм и другие — являются ложными, так как они основаны на суевериях и нелепых обрядах, насильственно насаждаемых духовенством. На место этих религий деисты выдвигали «естественную религию», которую считали истинной, так как, согласно их утверждениям, она исходит из природы человека и основана на разуме.

Несмотря на свою непоследовательность в деле преодоления религиозных суеверий и предрассудков, деисты в XVII—XVIII вв. несомненно сыграли известную прогрессивную роль в борьбе за свободу мысли. Не случайно клерикалы всех направлений враждебно относились к деизму. Его приверженцы были объявлены атеистами, на них обрушивались всякие кары. В XIX в. в связи с интенсивным распространением атеистических идей среди широких масс деизм потерял свое прежнее прогрессивное значение. В современных условиях богословы часто используют взгляды и суждения деистов в качестве доводов для защиты религиозного мировоззрения.

Деизм не представлял собой единого и стройного учения, в нем существовало много различных течений. Наряду с философами, не отвергавшими религию и проявлявшими свое вольнодумство лишь в рационалистической критике библейских текстов, были и такие мыслители, которые склонялись к материализму и атеизму.

* *
*

Одним из крупнейших представителей английского деизма был Джон Локк (1632—1704). В его мировоззрении получил отражение половинчатый характер английской буржуазной революции XVII в. По выражению Энгельса, «Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 года».[78] Английский мыслитель решительно защищал идею веротерпимости. Он требовал отделения церкви от государства и настаивал, чтобы ни одно вероисповедание не было поставлено в привилегированное положение по сравнению с другими.[79] Однако идею веротерпимости Локк считал неприменимой по отношению к католикам и атеистам. К католикам он относился враждебно потому, что они подчинялись папе римскому и тем самым создавали государство в государстве. К атеистам философ проявлял враждебное отношение за то, что они отрицали существование бога. Локк считал возможным примирить откровение с разумом.[80] Все же при выяснении соотношения человеческого разума и веры мыслитель отдавал предпочтение разуму. Он полагал, что от разума зависит признание откровенного характера какого-либо положения. Локк писал: «Никакое предложение не может быть принято за божественное откровение или получить надлежащее всем таким предложениям согласие, если оно противоречит нашему ясному интуитивному познанию, ибо это означало бы ниспровергнуть принципы и основы всякого познания, всякой очевидности и всякого согласия... Вера не может иметь силу авторитета пред лицом ясных и очевидных

жертва религиозного изуверства. – ЕМИРА III (1959). – С. 173-198.

[77] Маркс, К., Энгельс, Ф. Святое семейство / Сочинения, Т. 2. – С. 144.

[78] Энгельс, Ф. Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. / Сочинения, Т. 37. – С. 419.

[79] Локк, Д. Письмо о веротерпимости / Избранные философские произведения, Т. 2. – М., 1960. – С. 141-183.

[80] Локк, Д. Опыт о человеческом разуме / Избранные философские произведения, Т. 1. – М., 1960. – С. 666-682.

предписаний разума».[81] Признание разума высшей инстанцией по отношению к вере подрывало религиозное мировоззрение и способствовало критическому исследованию истории раннего христианства.

Локк подвергает критике ряд положений и догматов христианского богословия. Он, например, считает невозможным научно доказать существование ангелов и разного рода духов.[82] Содержание «священного писания» представляется мыслителю неясным и неопределенным. Эту неясность он объясняет «естественным несовершенством языка». По его мнению, ветхозаветные и новозаветные книги, как и другие древние сочинения, «заключают в себе неизбежные трудности речи, которая (за исключением названий простых идей и некоторых очень ясных вещей) неспособна без постоянного определения терминов передавать слушающему мысль и намерение говорящего, не возбуждая каких-либо сомнений и неопределенности в слушателе».[83]

* *
*

В Германии наиболее ярким представителем деизма был Герман-Самуэль Реймарус (1694—1768), профессор восточных языков в Гамбурге. Он опубликовал несколько крупных работ, из которых наибольшей известностью пользовалось его сочинение «Рассуждения о самых возвышенных истинах естественной религии» (1754). В нем автор отвергал религию откровения и противопоставлял ей «естественную» религию, основанную якобы на разуме и здравом смысле. Еще один труд Реймаруса появился в печати после его смерти. Семь крупных разделов из него были изданы в 1774—1778 гг. знаменитым немецким критиком и писателем Г. Э. Лессингом под названием «Фрагменты вольфенбютельского анонима». В 1787 г. некий К. А. Шмидт опубликовал еще четыре отрывка из этого сочинения, причем имя автора было снова скрыто. В 1814 г. сын Реймаруса переиздал уже напечатанные ранее тексты, причем заявил, что их автором является его отец. Вместе с тем он сообщил и заглавие, которое Реймарус намеревался дать своему произведению: «Апология, или Оправдательное сочинение богопочитателя, основывающегося на разуме». Значительная часть этого произведения посвящена критике библейских книг.

Считая источником истины человеческий разум, немецкий ученый требовал рационалистического подхода к евангельской истории. Он утверждал, что Библия является чисто человеческим произведением, механическим соединением книг, принадлежащих многим авторам, жившим в разные эпохи. Авторы «священного писания» критически относились к используемому материалу, вследствие чего в библейских книгах много недостоверных фактов. Реймарус отвергал чудеса и «божественное откровение». По его мнению, Иисус Христос был одним из иудейских пророков. Он творил чудеса с целью побудить жителей Палестины верить в то, что перед ними выступает мессия. Только в глазах его современников эти чудеса считались таковыми, но они не заключали в себе ничего сверхъестественного. Иисуса казнили за неподчинение властям. Его ученики украли труп своего учителя и объявили, что он воскрес. Ранние христиане использовали этот обман для построения своего вероучения.[84]

* *
*

Большую роль в рационалистической критике новозаветных книг сыграли французские прогрессивные мыслители XVIII в. Одни из них не решались полностью порвать с религией, хотя и подвергали острой критике христианство, иудаизм и ислам. Они предлагали заменить эти религиозные системы новыми формами религии, которые, согласно их утверждениям, не находятся в противоречии с разумом. Другие были решительными противниками любого религиозного миросозерцания. Наиболее крупным представителем первой группы был Ф. Вольтер. Ко второй группе относятся в первую очередь Ж. Мелье, Д. Дидро, П. Гольбах и С. Марешаль.

Обзор высказываний французских прогрессивных мыслителей о характере и содержании новозаветных книг начнем с Жана Мелье (1664—1729). Он окончил духовную семинарию и всю жизнь был священником в деревне Этрепиньи в Шампани. До самой смерти мыслитель скрывал свои истинные взгляды на развитие природы и общества. После смерти философа было обнаружено его произведение под заглавием «Завещание». В нем автор просит у прихожан прощения за то, что в течение многих лет не обнародовал перед ними свои истинные воззрения и убеждения. В «Завещании» Мелье выступает как приверженец утопического коммунизма, как материалист и атеист. Он подвергает беспощадной критике современное ему

---

[81] Там же, с. 669-671.
[82] Там же, с. 543-544.
[83] Там же, с. 482.
[84] Более подробно о Реймарусе и его суждениях о содержании священного писания см.: Крывелев, И. А. Как критиковали Библию в старину. – М., 1966. – С. 63-102.

общество с точки зрения интересов широких народных масс. По его мнению, существование общественного неравенства и социального угнетения всячески поддерживается религией.[85] В изображении мыслителя всякий культ и поклонение богам есть заблуждение, иллюзия, обман и шарлатанство.[86]

Мелье выражает сомнение в достоверности «священного писания». По его мнению, оно не является результатом божественного откровения, в нем нет никаких признаков мудрости или сверхчеловеческих знаний. Библейские книги подверглись неоднократным искажениям и фальсификациям, в них были сделаны различные добавления и сокращения. Эти книги заполнены баснями, мифами и нелепыми рассказами. Нет уверенности в том, что четыре евангелия действительно составлены теми лицами, кому они приписываются. Нет также гарантии в том, что эти писания не были подделаны. В них отсутствует последовательность в изложении отдельных фактов. Авторы евангелий во многом расходятся между собой, а местами они явно противоречат друг другу. Так, например, у Матфея Иисус Христос происходит от царя Давида через его сына Соломона и всех его потомков вплоть до Иосифа. У Луки Иисус также происходит от Давида, но через его сына Натана. Само собою разумеется, что потомки Натана не могут быть потомками Соломона. К тому же непонятно, зачем необходимо было этим евангелистам вести родословную Иосифа от Давида, если Христос вовсе не сын Иосифа. Согласно рассказу Матфея, немедленно после рождения Христа царь Ирод приказал перерезать всех младенцев, родившихся в последние два года в окрестностях Вифлеема. Иосиф и мать Иисуса немедленно бежали в Египет, где оставались до смерти Ирода. Лука же сообщает, что они пребывали шесть лет в местности, где родился Иисус. Следовательно, бегство Иосифа и Марии в Египет не имело места. Судя по рассказам первых трех евангелистов, общественная жизнь Иисуса от первых его проповедей до его смерти продолжалась всего около шести недель. По рассказу же евангелиста Иоанна, ее продолжительность определяется в три года и три месяца. Евангелисты противоречат друг другу и во многих других случаях.[87]

Автор «Завещания» подчеркивает тот факт, что в первые столетия существования христианства находилось в обращении много евангелий. Все они выдавались приверженцами новой религии за святые и божественные. Мелье недоумевает, почему четыре евангелия были объявлены каноническими, а остальные апокрифическими. Он считает, что нет никаких верных критериев, доказательств или свидетельств, которые позволили бы признать одни евангелия ложными, а другие боговдохновенными.[88] Мелье обращает внимание на совпадение мнимых христианских чудес с мнимыми языческими чудесами. Если, по словам евангелистов, Иисус Христос родился от девы, не познавшей мужчины, то язычники утверждали, что Ромул и Рем были рождены девой-весталкой. Если христопоклоннпки уверяют, что Иисус вознесся на небо, то язычники утверждают, что Юпитер вознес на небо Ганимеда, сына троянского царя. Если, согласно утверждению евангелистов, бог гласом с неба возвестил о том, что Иисус — его сын, то, по верованиям язычников, Вулкан с помощью чудесного огня возвестил, что Цекулус его сын.[89] Мелье категорически заявляет, что все обещания и пророчества, содержащиеся в Новом завете, являются явно ложными, обманчивыми и пустыми.[90]

Философ утверждает, что Иисус Христос был «сумасшедшим безумцем, жалким фанатиком и злополучным висельником».[91] По его мнению, из самих евангелий ясно видно, что в народе считали Иисуса именно таким человеком. О том, что он был безумцем и фанатиком вытекает из его собственных мыслей и речей. Так, например, Иисус мнил себя вечным сыном всемогущего бога и думал, что родился для спасения мира. Он воображал, что в скором времени создаст новые небеса и новую землю и его увидят спускающимся вниз со своими ангелами. Иисус не сомневался в том, что воскресит мертвых и выведет их из гробниц всемогуществом своего гласа. Он был уверен и в том, что может отпускать всякий грех единым дыханием своего рта. Такие мысли и фантазии являются чрезвычайно пустыми, смехотворными и сумасбродными. Они никогда не приходили в голову даже знаменитому фанатику Дон-Кихоту. Фантазии и мысли этого странствующего рыцаря, при всей их ложности и неуравновешенности, не были такими нелепыми, как у Иисуса. О расстройстве умственных способностей Иисуса свидетельствуют также его поступки и образ действий.[92]

В изображении Мелье христианство в начале своего существования было чистейшим фанатизмом, потому что находило приверженцев только среди людей, слепо следовавших ложным мыслям, правилам и мнениям низкого и жалкого фанатика. Правильность такого вывода подтверждается тем, что историки того времени отзываются о новой религии как об отвратительном суеверии.[93] Мелье показывает ложность утверждений христиан, что они во время таинства причащения вкушают своего бога.[94] Философ спрашивает: «Каким

---

[85] Мелье, Ж. Завещание, Т. 1. – 1954. – С. 56-80, 90-94, Т. 2. – 1954 – С. 153-209.
[86] Там же, Т. 1.. – С. 55-90, 114-136, 188-437, Т 2. – С. 7-448, Т. 3. С. 7-377.
[87] Там же, Т. 1. – С. 136-188.
[88] Там же, с. 185-188.
[89] Там же, с. 219-226.
[90] Там же, с. 332-437.
[91] Там же, Т 2. – С. 27. См. также с. 25-52.
[92] Там же, с. 27-52.
[93] Там же, с. 52-58.
[94] Там же, с. 58-94.

образом можно было внушить людям, как бы ни было мало в них здравого смысла, такие странные, такие нелепые вещи? Как удалось убедить их в том, что все тело и кровь, душа и божественность богочеловека действительно оказываются под видом и образом ничтожной фигурки из теста или капли вина?»[95] Мелье утверждает, что поклонение богу из теста в таинстве причащения открывает широкую дорогу ко всякого рода идолопоклонству.[96]

* *
*

Талантливым мастером рационалистической критики новозаветных книг был Франсуа Вольтер (1694—1778), знаменитый французский писатель, философ и публицист. Он обратил внимание на то, что в течение первых двух веков нашей эры ни один из отцов церкви не привел ни одного текста из четырех канонических евангелий. Наоборот, первые христианские богословы цитировали те евангелия, которые позже были признаны апокрифическими.[97] Отсюда французский просветитель делал вывод, «что апокрифические евангелия не только были написаны раньше канонических, но некоторое время считались единственно каноническими».[98] Вместе с тем Вольтер полагал, что четыре канонических евангелия не написаны теми, кому их приписывают.[99] По мнению Вольтера, через некоторое время после правления Веспасиана насчитывалось свыше пятидесяти евангелий. Все они противоречили друг другу, так как фабриковались в разных местах.[100] Множество противоречий, обманов, ложных предсказаний и прямых фальсификаций содержится и в тех произведениях, которые впоследствии были признаны каноническими.[101] Так, например, Матфей и Лука выводят род Иисуса от Давида и Авраама через посредство Иосифа. Однако Лука насчитывает между Иосифом и Авраамом 56 колен, а Матфей—только 41, причем эти поколения у обоих не совпадают между собой. У Матфея отцом Иосифа является Иаков, а у Луки — Илия. Согласно евангелию Матфея, Иосиф и его жена Мария бежали вместе с младенцем Иисусом в Египет. После смерти Ирода они возвратились в Назарет. Лука же утверждает, что Иосиф и Мария привели божественного младенца в Назарет, не заходя в Египет. Нелепым является весь евангельский рассказ о зачатии Марии от святого духа. Смехотворной представляется как история с тремя волхвами, так и история с вифлеемскими младенцами. Вызывает недоумение стремление Матфея связать слова пророка Иеремии о еврейских рабах, убитых в Раме, с мнимой резней младенцев, которую якобы учинил Ирод.[102]

Показав наличие ряда противоречий и несообразностей в евангелиях, французский мыслитель пишет следующее: «Хочется, наконец, спросить, возможно ли, чтобы бог держал такие бессмысленные и варварские речи, какие ему приписывают? Чтобы он мог, например, произнести такие слова: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни родственников твоих»... Чтобы он мог сказать: «Я пришел, чтобы зажечь землю». Чтобы он мог сказать: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода».[103]

Вольтер излагает свою точку зрения по вопросу об историчности Иисуса Христа. По его мнению, заслуживает внимания тот факт, что Иосиф Флавий ничего не говорит об Иисусе. Подложными являются те пять или шесть строк сочинения Иосифа, которые имеют отношение к личности Иисуса. Глубокое молчание об Иисусе хранят Юст Тивериадский и Филон. Ни один римский писатель не упоминает о приписываемых ему чудесах. Однако отмеченные моменты не могут служить основанием для утверждения, что вообще не было Иисуса. Его существование подтверждается тем фактом, что после его смерти разные лица писали и за и против него. Не подлежит также сомнению, что он тогда был малоизвестным человеком, вследствие чего никто из именитых людей не упоминал о нем.[104] Поскольку сообщения евангелистов о Христе являются скудными и противоречивыми, то «приходится ограничиться следующим заключением: был еврей темного происхождения, именуемый Иисусом, распятый как богохульник во времена императора Тиберия, неизвестно в каком году».[105]

* *
*

---

[95] Там же, с. 63.
[96] Там же, с. 62-94.
[97] Вольтер, Ф. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма, Т. 1. – С. 69, 138-139.
[98] Там же, с. 69.
[99] Там же, с. 139.
[100] Там же, с. 135.
[101] Там же, Т. 1, с. 45-70; 127-145; 192-236; 241-256; 272-282; 302-305; 340-346; 361-363; Т. 2, с. 126-131; 187-189; 239-240.
[102] Там же, Т. 1, с. 45-57.
[103] Там же, с. 55.
[104] Там же, Т. 1, с. 45-57; 127-134; 192-198; Т. 2, с. 239-240.
[105] Там же, Т. 1, с. 198.

Дальнейшее развитие свободной исследовательской мысли получило яркое выражение в боевой атеистической литературе французских материалистов XVIII в. Борясь против феодализма во имя нового буржуазного общества, французские материалисты отрицали вмешательство сверхъестественных сил в закономерную жизнь природы, подвергали критике различные религиозные учения, выступали за освобождение науки от церковных оков. Французские материалисты проявляли критическое отношение к Новому завету, находили в нем множество противоречий, тенденциозных моментов, фантастических небылиц и нелепых рассказов.

Одним из главных представителей французского материализма XVIII в. был Деии Дидро (1713—1784). В своих сочинениях он решительно боролся с религиозными предрассудками, показывал несовместимость науки с религией. Интересные мысли высказаны философом по вопросам, связанным с возникновением христианства и новозаветных произведений. Он отрицает сверхъестественное, божественное происхождение библейских книг.[106] Обращаясь к христианскому духовенству, Дидро спрашивает: «Вы даете неверующему книгу писаний, относительно которых вы утверждаете, что они боговдохновенны. Прежде чем войти в разбор ваших доказательств, он непременно задаст вам ряд вопросов об этом сборнике. Не произошло ли в нем каких-нибудь изменений? — спросит он... По какому праву из него выброшено какое-то писание, почитаемое другой сектой, а писание, отвергнутое ею, сохранено?.. Что руководило вами при выборе между столькими различными списками, наглядно доказывающими, что эти священные авторы не дошли до вас в своей первоначальной чистоте? Но если, как вы это должны признать, они испорчены невежеством переписчиков и злонамеренностью еретиков, то, значит, вы обязаны восстановить их в их подлинном виде, прежде чем доказывать их боговдохновенность».[107] По мнению Дидро, в первые века нашей эры находилось в обращении шестьдесят евангелий, которые почти одинаково считались священными. Из них пятьдесят шесть были отвергнуты, так как были признаны вздорными и ребяческими. Философ ставит вопрос: не осталось ли кое-что из этого и в тех евенгелиях, которые со временем были объявлены каноническими?[108] По выражению мыслителя, беспримерным бесстыдством являются ссылки на согласованность евангелий. Он подчеркивает тот факт, что в одних евангелиях рассказывается об очень важных событиях, о которых ничего не говорится в других.[109]

Дидро выражает сомнение в существовании Иисуса Христа. Он отмечает, что об Иисусе ничего не знали ни Филон Алексадрийский, ни Юст Тивериадский, ни Иосиф Флавий. Авторы I в. н. э. рассказывают о деятельности Иуды Галилейского, Ионатана, Февды, но они почему-то умолчали о такой крупной личности, как Христос.[110] Философ спрашивает: «Неужели они не различили его в толпе плутов, которые восставали один за другим в Иудее и, едва появившись, тотчас же исчезали бесследно?»[111] Дидро утверждает, что отцы церкви включили в сочинение Иосифа Флавия несколько строк, где упоминается Иисус. Однако авторы этой вставки «не сумели ни придать правдоподобие сочиненному ими отрывку, ни выбрать для него подходящее место». Поэтому, заключает мыслитель, «подлог вышел совершенно явным».[112] Дидро обращает внимание на тесную связь между христианством и античной мифологией. Он отмечает, что многие христианские догматы и обряды заимствованы из других религиозных систем. Обращаясь к христианам, он пишет: «Все ваши непреложные догмы: ваш бог в трех лицах, ваши злые ангелы, которые восстают против своего творца и пытаются свергнуть его с трона; ваша Ева, созданная из ребра Адама; ваша пресвятая дева, которую посещают молодой человек и голубь и которая беременеет, но не от молодого человека, а от птицы; пресвятая дева, которая родит и остается девственницей; этот бог, который умирает на кресте, чтобы умилостивить бога, а затем воскресает и возносится на небо (куда на небо?),— все это... мифология, язычество, всему этому та же цена, что и мифам об Уране, Сатурне, Титанах, о Минерве, выходящей в полном вооружении из головы Юпитера, о Юноне, забеременевшей от Марса только потому, что она вдохнула запах цветка, об Аполлоне — Фебе, управляющем колесницей солнца... Все это один и тот же бред».[113]

* *
*

К числу крупнейших представителей французского материализма XVIII в. относится Поль Гольбах (1723—1789). Его основным произведением является знаменитая «Система природы» (1770). В ней автор

---

[106] Дидро, Д. Философский мысли / Сочинения, Т. 1. – 1935. – С. 111-112; 120-122.
[107] Там же, с. 120-121.
[108] Дидро, Д. Прибавление к философским мыслям, или Разные возражения против сочинений различных богословов / Сочинения, Т. 1. – С. 133.
[109] Там же, с. 130.
[110] Дидро, Д. Прогулка скептика, или Аллеи / Сочинения, Т. 1. – С. 173.
[111] Там же.
[112] Там же, с. 173-174.
[113] Дидро, Д. Беседа с аббатом Бартелеми / Избранные атеистические произведения. – М., 1956. – С. 230-231.

систематизировал взгляды и суждения французских материалистов. Современники Гольбаха по праву называли ее «библией материализма и атеизма». Философу принадлежит также ряд других атеистических произведений, из которых главными являются: «Разоблаченное христианство» (1761); «Карманное богословие» (1768); «Священная зараза» (1768); «Письма к Евгении» (1768); «Галерея святых» (1770); «Здравый смысл» (1772). В некоторых из них затрагивается история раннего христианства.

Гольбах отрицает божественное происхождение священных книг христиан. По его мнению, новозаветные произведения переполнены противоречиями, заблуждениями, софизмами и вымышленными пророчествами.[114] При описании истории жизни мессии евангелисты уклоняются друг от друга, а местами вступают в явные противоречия между собой. Матфей и Лука по-разному определяют родословную Христа. Один евангелист пишет о том, что Иисус отправляется в Египет, а другой ничего не говорит об этом бегстве. Если в изображении одного евангелиста миссия Христа продолжается три года, то в описании другого — только три месяца. Согласно евангелию Марка, Иисус умер в девять часов утра, а согласно евангелию Иоанна — в полдень. Такая же разноголосица существует в евангельских рассказах о явлениях Христа после его воскресения. Те же противоречия и ошибки можно обнаружить в произведениях, которые приписываются Павлу и другим апостолам.[115]

Философ признает историчность Иисуса Христа. Он, однако, выражает сомнение в существовании тех божественных качеств, которыми приверженцы христианства наделяют основателя своей религии. По его мнению, ознакомление с поведением Иисуса, с некоторыми пунктами его учения и морали говорит о том, что он не может служить образцом для слепого подражания.[116] Поведение Иисуса «не отличается ни благоразумием, ни мягкостью, ни почтительностью, подобающей людям, занимающим видное общественное положение».[117] Не может быть признано поучительным заявление Христа, что он принес «не мир, но меч», что он «пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее, и невестку с свекровью ее».[118] Даже в евангелиях Иисус вырисовывается как фанатик или шарлатан, стремившийся отнести к себе те туманные пророчества, которые содержатся в ветхозаветных книгах.[119] Основателем христианской религии следует признать апостола Павла. Без него она не могла бы получить широкого распространения.[120] Христианство при своем зарождении было религией неимущих людей.[121] «Страдающий бог, невинная жертва злобы людей, враг богачей и сильных мира сего, должен был стать утешением для несчастных».[122]

* *
*

Выдающимся французским атеистом конца XVIII — начала XIX в. был Сильвен Марешаль (1750—1803). Продолжая традиции Жана Мелье, он сочетал критику религии с борьбой против социального неравенства и угнетения. В своих атеистических произведениях Марешаль касается ряда вопросов, связанных с развитием раннего христианства. В первую очередь следует отметить его антирелигиозный памфлет «За и против Библии», опубликованный в 1801 г. в Париже. В нем дается подробный критический разбор библейских книг.

Марешаль считает, что о Библии всегда судили предвзято. Богословы преувеличивали ее достоинства, а их противники, наоборот, выпячивали ее недостатки. Философ утверждает, что настало время включить Библию в разряд обыкновенных книг и подвергнуть ее беспристрастной критике.[123] Марешаль показывает, что подавляющая часть евангельских рассказов противоречит разуму и здравому смыслу.[124] В его изображении евангелия не могут служить образцом высокой морали. Они подходят только для царства небесного и совершенно чужды людям, обладающим совестью и разумом.[125] Касаясь рассказа о рождении Иисуса, мыслитель спрашивает: «Что можно подумать о книге, посвященной морали, которая начинается с прелюбодеяния? Конечно, незаконнорожденный ребенок — такой же человек, как и все прочие; но зачем в

---

[114] Гольбах, П. Разоблаченное христианство. – М., 1936. – С. 274-279. ; Гольбах, П. Галерея святых. – М, 1962. – С. 78.
[115] Гольбах, П. Разоблаченное христианство. – М., 1936. – С. 276-278.
[116] Гольбах, П. Галерея святых. – М., 1936. – С. 77-85.
[117] Там же, с. 80.
[118] Там же, с. 82.
[119] Там же, с. 85.
См. также: Гольбах, П. Письма к Евгении. – М., 1956. – С. 95-97.
[120] Гольбах, П. Разоблаченное христианство. – М., 1936. – С. 234.
[121] Там же, с. 234-236.
См. также: Гольбах, П. Письма к Евгении. – М., 1956. – С. 97.; Гольбах, П. Галерея святых. – М., 1936. – С. 84-85.
[122] Гольбах, П. Разоблаченное христианство. – М., 1936. – С. 234.
[123] Марешаль, С. За и против Библии / Избранные атеистические произведения. – М., 1958. – С. 262.
[124] Там же, 293-317.
[125] Там же, с. 298-303.

число его совершенств включать незаконность его рождения?»[126] По мнению Марешаля, много нелепых и неправдоподобных рассказов содержится и в остальных новозаветных произведениях.[127]

Некоторые ученые приписывают Марешалю работу, известную под названием «Разоблаченная басня о Христе». В ней автор утверждает, что христианство, как любая другая религия, было выдумано духовенством с целью держать в подчинении верующих. Не ограничиваясь рационалистическим объяснением происхождения христианской религии, он подходит к ней и с исторической точки зрения. Так, автор упомянутого трактата показывает, что догмы, обряды и учреждения ранних христиан были в значительной своей части заимствованы из других древних религий.[128]

---

[126] Там же, с. 293.
[127] Там же, с. 318-337.
[128] Марешаль, С. Разоблаченная басня о Христе / Избранные атеистические произведения. – 1958. – С. 336-408.